

Выходные.

Пригожее, залитое солнцем утро. Лингуан лениво зевнул, наблюдая, как транспортный робот бережно перемещает в его двор саженец священного дерева Дисю. Убедившись, что растение не получило ни единой царапины, он быстро и уверенно расписался в бланке доставки.

Все-таки божественное древо. Оно провело в пути несколько дней, затем еще двое суток томилось на складе службы доставки в ожидании должного ухода, и только теперь, на выходных, у Лингуана наконец появилось время, чтобы его пристроить.

Закатав рукава, Лингуан натянул высокие болотные сапоги. Непослушную копну огненных волос он небрежно перехватил резинкой, оставив лишь несколько коротких прядей у лица — они мягко очерчивали лоб и бросали глубокие тени на его яркие, выразительные глаза.

Собрав волосы, он долго стоял посреди двора, опираясь на лопату и оценивающе разглядывая землю.

Зажав в губах электронную сигарету, он неторопливо затянулся. Тонкая струйка пара окутала лицо, слегка размывая его черты и скрадывая ту привычную, обжигающую надменность, которая теперь казалась холодной и безучастной.

Покончив с курением, Лингуан забросил лопату на плечо, подошел к выбранному месту и с силой вогнал лезвие в грунт. Надавив ногой на металлическое плечо лопаты, он одним уверенным движением перевернул пласт влажной земли.

Особых правил посадки дерева Дисю он не знал. Пара взмахов — и яма готова. Лингуан даже не успел вспотеть, как легким пинком отправил корневой ком саженца в лунку. Набросав сверху пару лопат земли, он выпрямил ствол свободной рукой, примял почву подошвой сапога, и на этом работа была закончена.

Все его движения были настолько точными и слаженными, что складки на заправленной в брюки рубашке даже не помялись. Лингуан управился с посадкой священного дерева в мгновение ока.

Вот только его ледяное, бесстрастное выражение лица в этот момент больше напоминало хладнокровного мафиози, избавляющегося от улик.

Сходство оказалось настолько пугающим, что Юэ Чжао, заставший эту картину у самых ворот, замер в нерешительности. Он искренне сомневался, стоит ли подавать голос, чтобы случайно не помешать Лингуану проворачивать его темные дела.

Пока он колебался, Лингуан резко повернул голову. Его взгляд полоснул по гостю зимней стужей.

Но едва он узнал Юэ Чжао, лед в его алых глазах немного подтаял.

— А ты рано, — негромко заметил он, сверившись с часами. До условленного времени оставалось еще добрых полчаса.

Юэ Чжао обошел невысокую каменную ограду и вошел на территорию усадьбы через приоткрытую калитку. Притворив ее за собой, он мягко улыбнулся и чуть приподнял простую деревянную шкатулку, которую держал в руках.

— Наткнулся на кое-что любопытное, — с теплой искренностью произнес он, слегка смутившись под пристальным взглядом хозяина. — Подумал, вам, как Звездному лорду, это может пригодиться. Вот и поспешил доставить без промедления. Я... ничего не нарушил?

Он робко заглянул Лингуану в глаза и едва слышно добавил:

— Как тогда, ночью.

Такой поворот застал Лингуана врасплох. Он изогнул бровь и с сомнением переспросил:

— Ты что, заигрываешь со мной?

— Просто... никак не могу выбросить это из головы, — кротко отозвался Юэ Чжао.

«Из головы? О чем это он?»

Лингуан недоуменно всматривался в его лицо.

Юэ Чжао смотрел на него чистым, невинным взглядом, в котором, словно жидкое золото, плескался теплый утренний свет. Солнце мягко подчеркивало его точеные черты, пухлые алые губы и... черные волосы.

Секунду. Черные?

Лингуан прищурился.

— Ты перекрасился?

Да к тому же нанес метку между бровей.

Кожа Юэ Чжао была настолько бледной, что любые яркие детали на ней выделялись с

поразительной четкостью. Алая отметина на его лбу, хоть и была тонкой, смотрелась вызывающе ярко — словно след от бритвенно-острого лезвия, рассекшего плоть.

Лингуан непроизвольно протянул руку, желая коснуться ее пальцами. Заметив это движение, Юэ Чжао послушно склонил голову, всем своим видом выражая кроткую покорность — трогай, сколько душе угодно.

Ощувив подушечками пальцев тепло его кожи, Юэ Чжао осторожно перехватил одну из выбившихся прядей волос Лингуана и принялся лениво наматывать ее на палец.

Этот жест отдавал едва уловимым, почти женственным кокетством, однако когда Юэ Чжао вскинул голову и посмотрел на него снизу вверх, его янтарные глаза блеснули неожиданным, ленивым превосходством. А кроткая улыбка на губах мгновенно стала загадочной и двусмысленной.

— Вовсе нет, — вкрадчиво прошептал он, подаваясь чуть ближе к Лингуану. — Просто захотелось показать вам, Звездный лорд, кое-что новое. Вам нравится?

В его словах сквозил намек. Юэ Чжао замер в опасной близости, его янтарные глаза, напоминавшие взгляд испуганного олененка, сощурились в предвкушении.

Лингуан слегка отклонился назад, окинув его холодным, оценивающим взглядом.

Солнечный свет струился за спиной Юэ Чжао, окружая его фигуру мягким золотистым ореолом.

С этими темными волосами он стал еще больше походить на его покойного супруга. Вот только при свете дня волосы покойного всегда отливали глубоким, благородным изумрудным оттенком, в то время как шевелюра Юэ Чжао оставалась непроглядно черной, словно бездонный омут. От долгого взгляда на нее у Лингуана внезапно закружилась голова.

Списав это на банальный недосып, Лингуан потер виски и слегка оттолкнул Юэ Чжао, разрывая опасную дистанцию.

— Сначала осмотри дерево Дисю, а все остальное обсудим потом, — осадил он его строгим взглядом. — И подготовься как следует. Божественное пламя — это не шутки, будет очень больно.

Юэ Чжао послушно отступил на пару шагов, его губы вновь расплылись в ласковой улыбке.

— Вы так заботитесь обо мне, Звездный лорд. Это так приятно.

«Приятно? Он что, обделенный вниманием ребенок?»

Лингуан устало вздохнул. Его не покидало смутное предчувствие грядущих неприятностей.

Странное головокружение никак не проходило. Лингуан вернулся в дом, чтобы налить себе воды. Когда он поднял руку, рукав рубашки соскользнул, обнажая рельефную, изящную линию предплечья.

Он стоял спиной к окну и пил воду, даже не подозревая, что его «кроткий» гость в этот момент кардинально преобразился.

От прежней святой мягкости Юэ Чжао не осталось и следа. Его глаза, потемневшие от едва сдерживаемого, собственнического вожделения, медленно скользили по обнаженной шее Лингуана, опускались к узкой талии и задерживались на упругих очертаниях его бедер.

Этот взгляд был тяжелым, липким и откровенно хищным — так смотрят на законную добычу.

Но стоило Лингуану начать поворачиваться, как Юэ Чжао мгновенно спрятал всю свою темную суть. Легким движением руки он сотворил заклинание над криво посаженным деревом Дисю.

Утрамбованная земля у корней мгновенно разрыхлилась, завалившийся ствол выпрямился, а прямо над кроной зависло пушистое грозное облачко, оросившее саженец мелким, искрящимся духовным дождем.

С первыми каплями увядшие листья дерева Дисю расправились, наливаясь первозданной силой. Воздух во дворе мгновенно пропитался прохладной, чистейшей энергией, которая проникала в каждую пору тела, даруя долгожданное расслабление и покой.

Лингуан почувствовал, как напряжение уходит из его тела, а вечная складка между бровей разглаживается. На душе у него стало непривычно легко и безмятежно.

Все-таки в этом и заключалась главная сила дерева Дисю.

Пока Лингуан наслаждался внезапным облегчением, Юэ Чжао бесшумно подошел ближе и протянул ему спелый духовный плод. Ярко-красный, усыпанный прохладными каплями росы, он выглядел невероятно сочным.

— Ведь мы с вами друзья, верно? — ласково прошептал Юэ Чжао.

Лингуан, словно замороженный, послушно кивнул и взял плод. Его алые глаза подернулись легкой дымкой.

— Очень хорошие друзья, — тихо выдохнул Юэ Чжао ему на ухо.

У Лингуана едва заметно дрогнули брови, безмятежное выражение лица на миг пошло трещинами, а пальцы едва не выронили спелый плод.

Заметив это, Юэ Чжао тут же соорудил обиженную мину, а в его янтарных глазах заблестели слезы.

— А-Лин не считает меня другом? А ведь я только что помог тебе оживить такое дорогое божественное дерево...

— Мы ведь потому и дружим, что ты всегда можешь попросить меня о помощи, правда?

—... Да, именно потому, что мы друзья, я и обратился к тебе, — заторможенно пробормотал Лингуан.

Он поднес плод к губам и откусил кусочек. Сладкий сок мгновенно прогнал туманную дымку из его глаз.

Осознав, насколько близко к нему стоит Юэ Чжао, Лингуан беззлобно, но ощутимо пнул его в голень, проворчав с привычным раздражением:

— Держись подальше от чужих жен.

Юэ Чжао на секунду опешил, но вместо того чтобы отодвинуться, лишь теснее прижался к нему, соорудив жалостливую гримасу.

— Но мы ведь лучшие друзья. Неужели нам нельзя быть ближе?

— Ты что, маленький? — буркнул Лингуан.

Запрокинув голову, он с недовольным видом ухватил Юэ Чжао за воротник.

— Еще раз так прижмешься — вышвырну вон. — Но, несмотря на грозные слова, отталкивать его не стал.

И даже когда Юэ Чжао снова невозмутимо приник к его плечу, Лингуан лишь обреченно вздохнул:

— Тебе что, ласки не хватает? Взрослый бог, а ведешь себя как комнатный цветок. Мог бы проявить хоть каплю самостоятельности.

— Но я хочу быть только с тобой, А-Лин... — тихо прошептал Юэ Чжао.

«До чего же он очарователен!»

Юэ Чжао во все глаза смотрел на него, светясь от восторга. Он доверчиво устроил подбородок на тыльной стороне ладони Лингуана.

— У меня никогда не было друзей. А-Лин — мой самый первый друг...

— Что значит «не хватает ласки»? Мне кажется, во мне совсем не осталось любви. Мои верующие предали меня, А-Лин. Мне было так больно. Пожалей меня, пожалуйста.

Он прижал ладонь Лингуана к своей щеке, преданно и доверчиво заглядывая ему в глаза.

Лингуан потерял дар речи.

Все его прежние приятели были либо шумными, вечно сквернословящими божественными птицами, либо суровыми воителями. До этого момента он никогда не подпускал к себе кого-то столь хрупкого и ранимого. Разве что своего покойного супруга.

Нет, это создание казалось даже нежнее супруга.

Преданный собственными последователями, глупый, беззащитный ребенок, который смотрит на него глазами раненого олененка...

Лингуан опустил взгляд на свою руку, которую Юэ Чжао ласково прижимал к лицу. В глубине души зашевелилось смутное сомнение: с какой стати он так близко сошелся с парнем, которого видел всего три раза в жизни?

Но мысль эта промелькнула и тут же растаяла, не оставив следа.

Он посмотрел на Юэ Чжао с долей презрительного сочувствия, убежденный, что у этого бога напрочь отсутствуют инстинкты самосохранения.

— Ну и дурак же ты. Позволил какой-то кучке жалких смертных так себя запугать.

— Ты что, из глины слеплен? Как ты вообще дожил до своих лет с такой всепрощающей добротой? Слепая забота о людях лишь развязывает им руки. Плачем горю не поможешь — их всех нужно было сжечь дотла!

Лингуан отчитывал его с суровой, почти родительской строгостью, но Юэ Чжао лишь робко

возразил:

— Но... они ведь были такими несчастными.

— Им нечего было есть, не во что обуться. Я просто дал им пищу и кров, а они ополчились против меня. Это было так больно, А-Лин... — Юэ Чжао прижался лицом к его ладони.

Чернота его волос начала стремительно блекнуть, обнажая чистый серебристый оттенок, который заиграл на солнце яркими, ослепительными искрами.

Лингуан удивленно нахмурился.

— Твои волосы... они что, теряют цвет?

Юэ Чжао растерянно моргнул и покачал головой. Алая отметина на его лбу тоже начала бледнеть. Уткнувшись лицом в ладонь Лингуана, он робко выдохнул:

— А-Лин, спаси меня.

Он потянул за ворот рубашки, открывая бледную грудь, стянутую тяжелыми кандалами проклятия. Его пальцы опустились к поясу брюк, и он небрежным движением едва не спустил их прямо посреди двора.

Лингуан вовремя перехватил его руку.

Он решительно не понимал, как ситуация умудрилась зайти так далеко. Внутренний голос кричал, что происходит нечто из ряда вон выходящее, но ухватиться за эту мысль не получалось. Его лицо потемнело от гнева, и он рявкнул:

— Брюки надень!

— А-Лин... — обиженно протянул Юэ Чжао, придерживая штаны с видом оскорбленной невинности.

Огромный, могущественный бог вел себя как глупый, беззащитный олененок.

Лингуан тяжело вздохнул и потер лоб. Вдруг прямо у самого его уха раздался тихий, вкрадчивый шепот. Низкий голос, лишенный прежней детской невинности, произнес со смешком:

— Но А-Лин, мы ведь просто проводим лечение, разве нет?

Прядь темных волос скользнула по лицу Лингуана, заставив его на мгновение потерять нить мыслей.

— Лечение?

Но уже в следующую секунду его взгляд прояснился, наполнившись яростью.

— Даже во время лечения штаны должны быть на месте! А если не умеешь себя вести — пошел вон из моего дома!

Раздался оглушительный грохот.

Краснеющий от гнева Лингуан безжалостно выставил темную ипостась Юэ Чжао за дверь.

Стоя на крыльце, светлая ипостась Юэ Чжао недовольно проворчала:

— Это все из-за тебя.

Темный Юэ Чжао ответил с ленивым, самодовольным высокомерием:

— Но ведь это ты хотел снять перед ним штаны.

— Вот только за дверью в итоге оказался ты.

Он замер у запертой двери, продолжая негромко препираться сам с собой. От прежней маски невинного, ранимого существа не осталось и следа — теперь в его поведении сквозило нечто жуткое и безумное.

А улыбка, застывшая на его губах, заставила бы содрогнуться любого, кто решился бы на него взглянуть.

<http://bllate.org/book/20308/2202190>